

ДОНСКОЙ ПИСАТЕЛЬ

№9-2010

Литературная газета Ростова-на-Дону и Ростовской области

Антонина Попова: Истоки современной ростовской поэзии.

Экскурс в прошлое

Каждое явление имеет свои истоки, свое начало. В том числе и поэзия. Степные просторы, величавый Дон издавна вдохновляли многих российских поэтов. В их числе можно назвать Гаврилу Державина, Василия Жуковского, Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Алексея Кольцова, Константина Бальмонта, Александра Блока.

В начале 19 века с развитием просвещения на Дону делает первые шаги и донская литература. Ее «детство» приходится на расцвет классицизма в России, совпавшего с громом побед русского оружия. В основе лежат достижения русской классики и казачьи фольклорные традиции. Родоначальниками донской поэзии можно считать Евлампия Никифоровича Кательникова (1775-1854) – первого на Дону казака-поэта, Алексея Герасимовича Оридовского (1760-е-1812) – преподавателя словесности в

«Ростовские-на-Дону Известия» дебютировал как поэт и писатель Алексей Иванович Свирский. 6 октября исполнилось 145 лет со дня его рождения. Алексей Свирский автор многих книг для детей и взрослых. Свирский появился в Ростове в 1891 году. Ему удалось найти приют в городском саду: ночевал под музыкантской эстрадой «на мягких блошиных стружках». Вскоре голод выгнал его на главную аллею, пустынную в ранний час. На длинной скамье одиноко сидел бедно одетый человек. Разговорились. И эта встреча оказалась началом новой жизни безвестного бродяги.

Много лет спустя в автобиографической книге «История моей жизни» А.И. Свирский описал все это подробно. Он навсегда остался благодарен ростовчанину Федору Васильевичу Христо, с которым встретился тогда в городском саду. Федор Васильевич получил заказ на брюки от редактора новой газеты «Ростовские-на-Дону Известия» Н.И. Розенштейна. Относя заказчику готовые брюки, Христо «приложил» к ним несколько стихотворений Свирского. И одно из них – «Памяти А.В. Кольцова» – было напечатано в газете. К великому сожалению, я не смогла нигде найти текст этого стихотворения.

«Произошло это величайшее в моей жизни событие 15 октября 1892 года на 27 году моей жизни», – отмечал позже писатель. В дальнейшем Алексей Свирский стал известным писателем и покинул наш город, но о его пребывании напоминают мемориальная доска на здании, где размещалась редакция газеты, открывшей писателя А.И. Свирского (здание бывшей фабрики цветной печати), и переулок, названный его именем.

«Мой стих дойдет через века, и через головы поэтов и правителей» – сказал Маяковский, и он дошел-таки. Немытые окна заброшенного исторического здания. Здесь была музкомедия, а до этого клуб приказчиков. Тут поэт декламировал поэму «Хорошо». Уберегли табличку работы Бориса Кондакова и на бывшей гостинице «Южной», тут тоже читал поэт, и в здании цирка. Всего в 1914 году в Ростове было

13 выступлений. Тогда Ростов Маяковского не принял. Один из местных критиков сказал, что он «милый мальчик и даже вызывает симпатию». Провал не помешал поэту приезжать в Ростов ещё и еще. «Длинный мальчик высокого роста» приезжал в Ростов ещё в двадцатых годах. И тогда уже обремененный, молодой Ростов с терпением ждал приезда поэта.

Поэзия

Поэзия — та же добыча радия. В грамм добыча, в годы труды. Изводишь единого слова ради Тысячи тонн словесной руды. Но как испепеляюще слов этих жжение Рядом с тлением слова-сырца. Эти слова приводят в движение Тысячи лет миллионов сердца.

И еще одну историю хочется рассказать. Узнав, что слова самых известных советских песен,

Здание издательства газеты «Ростовские-на-Дону Известия» на Б. Садовой ставших любимыми, народными, олицетворением великого прошлого великой страны, написал человек, живший в Ростове, я, признаться, сильно поразила. «Марш Буденного» («Мы красные кавалеристы, и про нас...») — гимн революционного поколения, кто не маршировал под него в своем пионерском детстве? Или «Марш энтузиастов» («Нам ли стоять на месте?...») – с этой пес-

(Окончание на стр.2)

К 115-летию со дня рождения Сергея Есенина
Владимир Парфенов

ПЕВЕЦ РОССИИ

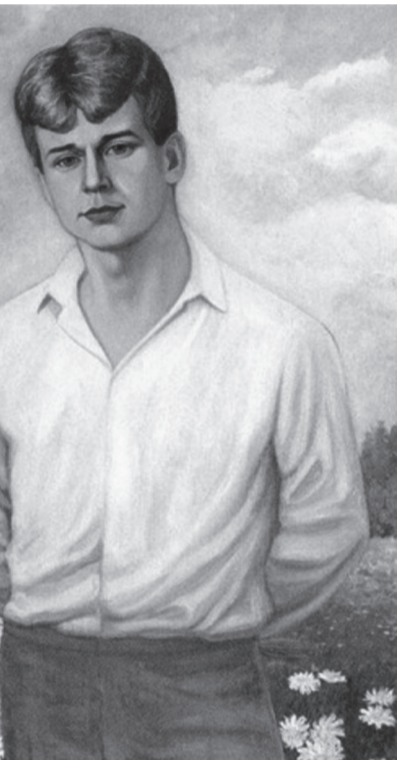
Сергей Есенин — великий поэт, перед которым я преклоняюсь. Когда мы произносим это имя, в нашем представлении возникает неоглядная ширь золотых полей, голубая прохлада реки, тихий, томящий душу шелест белоствольных березок и пленительные звуки сердечной песни.

Прошли годы. Кануло в прошлое все случайное, наносное, чуждое на имени поэта, и в ясной своей чистоте предстает перед нами то лучшее, что создано им.

Время не властно над поэзией Есенина. Как не властно и над самим его обликом – навсегда Есенин остается молодым в памяти народной. И каждое новое поколение открывает для себя в Есенине нечто близкое и дорогое, потому что его поэзия рождена любовью к человеку, к родине, к России.

Легендарно стремительное вхождение двадцатилетнего рязанского поэта Сергея Есенина в большую русскую литературу. Три издания первой книги «Радуница»... Почти невероятный случай. Легендарны его звонкое, золотое песенное слово, его «страна березового ситца». Легендарна его верность России. Надо ли говорить подробно, насколько легендарна воистину всенародная любовь к Есенину. Она испытана, проверена временем, и ныне мы справедливо говорим о Сергее Есенине, как о гениальном поэте.

В моей жизни Есенин занимает особое место. Вспоминаю,

как в 1969 году режиссер молодежного театра Дворца культуры имени Артема Сергей Яковлевич Калайдов ставил мини-спектакль о Сергее Есенине и пригласил меня поработать над ролью поэта. Я тогда учился на режиссерском факультете Московского заочного университета искусств и посещал народный театр при ДК им. Артема, которым руководил заслуженный работник культуры России А.Г. Григорьян.

Трудность работы над ролью

(Окончание на стр. 6)

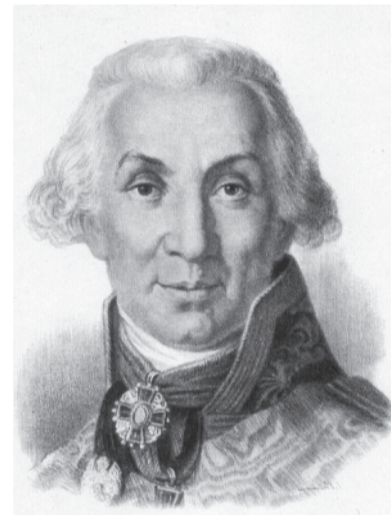
В номере:
Антонина Попова
Истоки современной
ростовской поэзии.
Экскурс в прошлое
Владимир Парфенов
Певец России. Очерк
1 стр.

Антонина Попова
Истоки современной
ростовской поэзии.
Экскурс в прошлое
(окончание)
2 стр.

Алексей Береговой
Канатоходец
Рассказ
3 стр.

Генрих Ужегов
То Млечный Путь, то Южный
Крест над нами. Стихи
Алексей Береговой
Канатоходец
Рассказ (окончание)
4 стр.

Юрий Ремесник
Что там было у меня
в начале?.. Стихи
5 стр.
Эдуард Барсуков
Зелёный посох судьбы
О творчестве поэтессы
Виктории Можаевой
В толстых журналах региона
Книжное обозрение
С днём рождения!
6 стр.

первой донской гимназии в Черкасске, Федора Ивановича Анисимова (1818-1855) – преподавателя новочеркасской гимназии, автора достаточно известного текста, ставшего «Донским гимном»:

**Всколыхнулся, взволновался,
Православный Тихий Дон,
И послушно отозвался
На призыв свободы он...**

В то время Ростов еще не был культурной столицей Дона и упоминаний о ростовчанах-поэтах, о каком-либо поэтическом творчестве того периода в нашем городе, нет.

Проблема заключается еще и том, что даже если тот или иной поэт начинал свое поэтическое творчество в Ростове, не везде это упоминается. Например, книга 1940г. издания «Е. Шевелева «Лирика». По содержанию стихов, можно решить, что они написаны ростовчанином. Но ни в одном источнике мы не нашли хоть слово о пребывании Е. Шевелевой в нашем городе. Хотя, сопоставив факты, можно предположить, что это Екатерина Шевелева, известная советская поэтесса-песенник, написавшая слова песен «Серебряные свадьбы», «Уголок России – отчий дом» и др. Но утверждать этого нельзя. Поскольку нигде нет ее подробной биографии.

А еще в Ростове, в газете

Антонина Попова: Истоки современной ростовской поэзии. Экскурс в прошлое

ней мы ходили на парады. «Звать любовь не надо» — из фильма «Моя любовь». «Прекрасная маркиза» (у которой хороши дела), «Пароход» — лучшее из репертуара Леонида Утесова. На его стихи создавали мелодии гениальные композиторы:

Алексей Свирский

Исаак Дунаевский, братья Покрасс. Их пели Любовь Орлова, Вера Красовицкая, Людмила Гурченко, Иосиф Кобзон. Дарование его было разносторонним: журналист, сатирик, поэт-лирик, он оставил после себя замечательные переводы рассказов Джека Лондона, О'Генри, знаменитой «Алисы в стране чудес» Льюиса Кэрролла. Это он назвал СССР страной героев, страной мечтателей и страной ученых. Речь идет о поэте д'Актиле или Анатолии Френкеле. Несмотря на былую всеююзную известность, о его жизни мы знаем немного. Книжки поэта и сатирика стали библиографической редкостью. Появился Анатолий Френкель на свет в городе Иркутске в июне 1890 года. В конце 1917 года приехал в Ростов-на-Дону. Печатался в газете, работал в эстрадном театре «Кривой Джимми». Жил тогда в Ростове и работал в маленьком театрике «Кривой Джимми» и 20-летний музыкант Дмитрий Покрасс.

В начале 1920 года Первая Конная армия выбила войска Белой гвардии из Ростова. Юный Покрасс встретил конников на проспектах города. Он прибежал к д'Актилю и предложил: «Давай напишем марш буденновцев!»

Полководцы песню одобрили: «Под коня подойдет!» — и спели ее несколько раз.

Дмитрий Покрасс, с Первой Конной отправившийся в боевой путь, исполнял песню на митингах, собраниях, на привалах, концертах. Специально для этого в обозе на телеге возили пианино. Ни слова, ни музыка «Марша» не были тогда напечатаны — она жила в эскадронах, ее переписывали и перепевали. В 1922 году «Марш Буденного» был записан композитором Шульгиным как народная песня и издан впервые. Д'Актиль говорил, что своего текста в точности не помнит, но видит, что он был сильно изменен. По скромности поэт называл себя не столько автором, сколько родоначальником этой песни.

Становление ростовской поэзии приходится на начало XX века, «серебряного века» русской поэзии. В этот период Ростов посещают такие выдающиеся русские поэты, как Константин Бальмонт, Сергей Есенин, Владимир Маяковский, Осип Мандельштам, Велимир Хлебников. Некоторые из них были в нашем городе неоднократно.

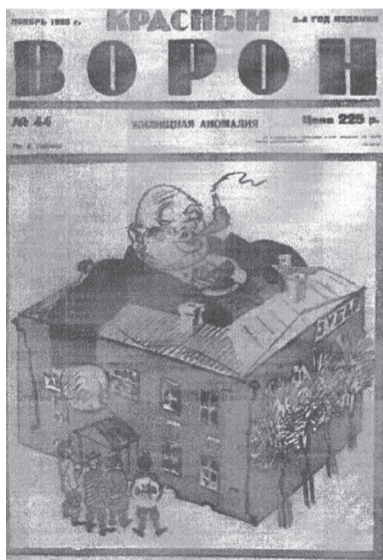
В городе создается СОПО —

Союз Поэтов. Творческая организация, основанная поэтом Рюриком Роком (1898-1932) в 1920г. Известный литератор Илья Березарк называл ростовский Союз Поэтов умело организованной и хорошо действующей организацией.

**Взойдите в поэм притворы,
на лампадки креститесь строк,
помните: у святых завиты
ритмические бороды
именами тех, кого любил Рок.**

В Союз входили такие известные поэты, как уроженец Ростова Илья Борисович Березарк (1897-1981), критик, театровед. В 1921 году он окончил юридический факультет Донского университета. В 20-30-е годы активно сотрудничал в газетах и журналах Ростова, Москвы и Ленинграда. Работал сотрудником отдела культуры газеты «Молот». Нина Грацианская-Александрова (урожденная Гербстман). Нина воспитывалась в атмосфере любви к русской и мировой литературе. Неудивительно, что вскоре она сама стала сочинять — и небезуспешно! — и печататься в местных изданиях. Сусанна Маар (Сусанна Георгиевна Чалхушьян) родилась в 1900 году в Нахичевани. Поэтесса, переводчица. Автор книги стихов «Абем» (Москва, 1922), посвященной А. Мариенгофу. Первый раз вышла замуж за Рюрика Рока, во второй — за Ивана Аксёнова (1884-1935) — поэта, литературного и художественного критика, переводчика. Среди переводов С. Маар — стихотворения Мицкевича, переводы из английской поэзии (в составе «Антологии новой английской поэзии», 1938). В своих воспоминаниях Надежда Яковлевна Мандельштам писала: «Она была «легкомысленной и дикой... не заняла никакого положения в советской литературе и не боялась потрясения основ вроде напечатания Мандельштама. Она рано умерла и, говорят, писала живые и настоящие стихи».

При Союзе Поэтов работала российская литературная группа Ничевоки, сложившаяся в Москве

в начале 1920 года и окончательно оформившаяся в августе того же года в Ростове-на-Дону. Поэты-ничевоки проводили вечера и выступали перед публикой в кафе «Подвал поэтов», расположенном в подвале дома № 46 в переулке Газетном. Группа просуществовала около двух лет и являла собой российский отголосок известной европейской группировки дадаистов. В группу «Ничевоки» входили М. Агабабов, И. Березарк, С. Маар, Е. Николаева, Р. Рок и другие.

Стены «Подвала поэтов» были пёстро расписаны «левыми» художниками. В заведении имелась миниатюрная сцена, на которой выступали с чтением стихов местные поэты, актёры, заезжие литераторы. 15 августа 1920 года на сцене «Подвала поэтов» впервые выступил «Председатель земного шара» поэт Велимир Хлебников. В результате бесконечных скитаний по России, судьба занесла Велимира Хлебникова в Ростов-на-Дону, здесь он прожил недолго и насколько можно понять это были не самые худшие дни этого загадочного и странного русского поэта. Хлебников, пожалуй, самый таинственный и непознанный до сих пор поэт XX столетия. Он вырос не из Пушкина и не из Баратынского. Он был человеком необычайным, необыкновенным, ни на кого не похожим. Об этом свидетельствуют все знавшие Хлебникова. Чуть позже в «Подвале поэтов» состоялась премьера пьесы В. Хлебникова «Ошибка смерти» в постановке ростовского театра «Театральная мастерская». В составе труппы работал Евгений Шварц. Хлебников присутствовал на премьере.

Выступления Хлебникова должны были украсить афишу литературного кафе. Хлебников считал, что каждое слово должно быть «откатано и проверено». Он считал, что мы не до конца понимаем сущность слов. В живой речи слово неорганизовано, случайно. Поэт должен открыть его первоисточник, его основу, и к этому он стремится всю жизнь. Задача эта необычайно трудна, но он всегда будет стараться ее разрешить.

Недаром Маяковский называл его «Колумбом поэтических материков».

**Когда умирают кони — дышат,
Когда умирают травы — сохнут,
Когда умирают солнца — они
гаснут,
Когда умирают люди — поют
песни.**

Солнечным июльским днем 1920 года в книжную лавку ростовского Союза Поэтов — книжный магазин в Ростове по адресу Большая Садовая, 124 (нынче этот дом не существует) вошел стройный светловолосый человек. Он приветливо улыбнулся, слегка прищуривая синие глаза. Лицо незнакомца, милое своей простотой, сразу располагало к себе.

— Сергей Есенин! — узнал пришельца кто-то из ростовских литераторов, и его тотчас же окружили, засыпали вопросами.

Есенин охотно отвечал: приехал из Москвы вместе с А.Б. Мариенгофом и Г. Р. Колобовым. Цель приезда — пропаганда советской поэзии. Вот мандат за подписью наркома А. В. Луначарского, вот афиши о предстоящем вечере поэзии, которые надо побыстрее расклеить. В подборе помещения для вечера просил помочь.

Прошло немногим более полугода после освобождения Ростова от белогвардейцев. Приезд в город столичного поэта был свидетельством крепнущих литературных связей с Москвой, становлением нового в культурной жизни Ростова. Вечер с участием С. Есенина состоялся вскоре в помещении кинотеатра «Колизей» (в доме, где был кинотеатр «Буревестник»).

Велимир Хлебников

Есенин читал ярко, своеобразно. В его исполнении не было плохих стихов: его сильный гибкий голос отлично передавал и гнев, и радость — все оттенки человеческих чувств. Огромный, переполненный людьми зал, словно замер, покоренный обаянием есенинского таланта. Лирическим стихам аплодировали так неумно, что, казалось, Есенину никогда не уйти с эстрады.

**Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть**

С.А. Есенин жил на вокзале в служебном вагоне, который доставил его в Ростов. Из Ростова Есенин уезжал в Баку. Накануне была устроена прощальная встреча. Есенин без усталости читал свои стихи. Прочел приветствующее революционную новь стихотворение, где есть строки:

**Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.**

Все были взволнованны, все молчали... И вдруг Есенин по-озорному сказал:

— А ведь есть продолжение!

И прочел:
**Расступаются в небе тучи,
Петуши льют с крыльев рассвет...
Давно уже знаю, что я самый
лучший,
Самый первый в России поэт!**

Эти строки нигде не были напечатаны. Экспромту-шутке Есенин не придавал никакого значения.

Второй приезд Есенина в Ростов в феврале 1922 года был очень коротким. Он провел в нашем городе всего один день в ожидании вагона, который должен был увезти его в Баку. Настроение у него было неважное. Есенину не понравилась ростовская погода: подтаявший снег, туманный день.

Нина Грацианская вспоминает: «Есенин прочел мне два отрывка из «Пугачева», прочел несколько стихотворений, написанных после первого приезда в Ростов. Стихи были великолепными, по-новому сильными. Особенно глубокое впечатление произвело на меня стихотворение «Не жалею, не зову, не плачу...». Я даже потеряла дар речи, ничего не смогла сказать. Сергею Александровичу было приятно мое искреннее восхищение. Он сказал:

— А «Пугачев» — это уже эпос, но волнует, волнует меня сильнее всего...

«Пугачев», бесспорно, одно из любимых творений Есенина, в которое он вложил всю свою творческую страсть...»

У Грацианской-Александровой долго хранились подаренные

С. Есениным фотографии и автографы стихотворений поэта, которые погибли в годы войны. А стихотворение памяти Есенина «Не родной и даже не любимый...», написанное Ниной, по праву считается одним из самых лучших посвящений поэту.

**Не родной и даже не любимый.
Отчего ж так душно и темно?
Отчего же так неизгладимо
Этой смерти черное пятно?**

**Не за то ведь, что любовью нежил,
Многих тех приученных ласкать.
И таких, кто синеглазке нежен,
Я еще успею отыскать.**

**Не за то, что удалю богатый,
На дороге, накрененной вниз,
Отзвонил он беженным набатом
Золотом пронизанную жизнь.**

**Только песен буйство и цветенье,
Русских песен звонкую печать,
Тех, что пел лазоревый Есенин,
Нам уже отныне не встречать...**

**Оттого-то горько и пустынно,
Оттого надломлена и я:
Песнями страдающего сына
Потеряла родина моя.**

Летом 1922 года в Ростов приезжает Осип Эмильевич Мандельштам. Он пришел в книжную лавку поэтов и высказал желание выступить перед ростовчанами со своими стихами. Он был худ, длиннорылый, с высоким худеющим лбом. Его большие, зеленовато-карие глаза беспокойно поглядывали на собеседника. В нем чувствовалась большая нервозность.

Для проведения поэтического вечера арендовали помещение на углу улиц Семашко и Шаумяна. Официальный адрес здания тогда — Дмитриевская, 100, нынешний — Семашко, 36. Там был оборудованный для эстрадных выступлений зал с рядом длинных деревянных скамеек и помостом, над которым, создавая иллюзию сцены, содрогался синий, плюшевый занавес. Тогда, в августе 1922 года, в прокатном зале предстояло читать стихи поэту Осипу Мандельштаму — об этом сообщалось на огромной афише у входа. Поэты — устроители вечера — хлопотали, суежились, стояли на контроле. Народ шел. Билеты продавались...

Осип Эмильевич вышел на эстраду в белой рубашке с отложным воротничком. Было что-то трогательное в его страдальческих глазах. Немного приподнявшись на носках, он начал читать стихи. Они были пленительны по музыкальности, яркости образов, лиричности...
**Холодок щекочет темя,
И нельзя признаться вдруг, —
И меня срезает время,
Как скосило твой каблук.**

**Жизнь себя перемагает,
Понемногу тает звук,
Все чего-то не хватает,
Что-то вспомнить недосуг.**

Слушатели замерли, зачарованные. А Мандельштам читал все взволнованней, и слушать его было подлинным наслаждением.

...СоПо распался в 1925 году. Но уже на смену футуристам, ничевокам, акменстам спешили Анатолий Софронов, Ашот Гарнакерьян, Николай Доризо и другие ростовские поэты нового, советского поколения, чье творчество было навеяно стройками первых пятилеток, созданием общества светлого будущего...

Алексей Береговой

противников, и Он, не раздумывая, резко и рьяно шагнул на него. Уверенный в себе, он шел без страховки.

Он искал на канате противников с твердым намерением уничтожить их.

Противников на канате не оказалось, может быть, все они были там внизу, со зрителями по сторонам каната, там, где шумела и плескалась жизнь, там, где уже мало обращали внимания на Его судорожные потуги и совсем не собирались боготворить. Публика выводила его из себя, и Канатоходец делал новый шаг — решительный и жестокий, как Он думал, но шаг этот не давал результата, и Он ещё больше ожесточался. Канатоходец шел дальше, не веря в пренебрежение собой и надеясь, что обязательно встретит противников и Его оружие все-таки поразит врагов. Ну, хотя бы одного из них.

По мере движения и тщетных поисков Он уменьшил для себя количество своих врагов до двух, и в напряженном движении искал встречи с ними для того, чтобы расправившись с двумя, победить всех.

Тех, кто не поддерживал его, Он называл предателями, хотя никто из них на верность ему не присягал, Он называл их так только за то, что когда-то Сам включил их в список верноподанных и, как теперь оказалось, зря. Но виноватым в этом был не Он, — Канатоходец был не способен признать себя виноватым хоть в чем-то, — виноватыми были они, потому что противились Его воле, Его неуёмному желанию править ими.

Он никак не мог понять, что это Ему ничего не даст, что враги созданы лишь Его воображением: они могли стать препятствием на Его пути к авантюрной цели, Его стремление уничтожить их — занятие без результата, потому что зрители уже совершенно потеряли интерес к Его аттракциону, и достичь цели на этом канате Ему не удастся никогда, потому что не было её, самой этой цели на конце каната, потому что и конца у самого каната не было.

Но он всё равно шёл вперед...

Настал миг, когда вернуться назад уже было нельзя — Он прошел расстояние до судьбоносной точки легко и довольно быстро, дальше идти становилось всё труднее и труднее, а непонимание бесполезности каждого нового шага — все сильнее и сильнее, — Он шел, упорство вело его вперед и вперед. Одно теперь Он понимал ясно, но не считал важным: назад ему не вернуться в любом случае, да Он уже и не хотел этого, — теперь Ему нужно было увести за собой как можно больше коллег. Или Он сорвется и проиграет, или же дойдет до конца каната и победит.

Что ждет Его в конце каната? Тупик? Обрыв? Или обрывистый тупик? Он не думал об этом. Маленькая открытая площадка, соединенная с миром лишь тонкой нитью каната, была его надеждой на возвращение. Он жаждал победы любой ценой, пусть ценой этой победы станут жизни врагов и даже — Его собственная жизнь. И жизни тех, кто пойдет за ним.

Он не понимал, — роковое непонимание! — что никто не стоит у него на пути, что бросил Он вызов самому себе, а враги были нужны Ему для утверждения победы во имя укрепления собственной власти и положения, — и потому не хотел Он даже чуточку усомниться в том, что никто с Ним не воюет, что именно потому Его, казалось бы, столь грозное оружие все время дает осечки. Он жаждал этой войны, хотел победы, и потому раздувал пламя ее всеми доступными Ему средствами — Он шел

КАНАТОХОДЕЦ

рассказ

вперед, чтобы победить, чтобы утвердиться над всеми, а побеждать было некого, утверждаться — не над кем, и это сводило Его с ума, и Он еще яростнее стремился вперед.

Это был современный Дон-Кихот. Он воевал с ветряными мельницами, только цели этой войны были не благородными, а подлыми — Он хотел завоевать власть над всеми своими коллегами, которые в подавляющем большинстве своем были выше Его и талантливее, а он хотел другого, и потому пытался утвердиться с помощью войны и победы. Все обязаны были молчать, говорить должен был только он и всем диктовать свою волю. Канат — это дорога войны, и Он шагнул на него...

На секунду Он замер и оглянулся. Там, вначале каната (и теперь уже довольно далеко от него) выстроились в ряд его немногочисленные сподвижники, — Его рыхлое, злобное, но уже небоеспособное войско. Он создал его ложью и посулами, и тем получил над ним шаткую власть — малюсенький кусочек той большой, всеобъемлющей власти, о которой мечтал почти два десятилетия, войско, на которое Он уже мало надеялся, — оно должно быть здесь, рядом с Ним, но Его воины, перепуганные опасной дорогой по канату и невниманием зрителей, только имитировали движение за Ним, отдавая Ему лишь свои имена и выжидали: дойдет Он или упадет? «Сволочи!» — злобно подумал Он о соратниках, делая шаг вперед. Он не хотел сознавать, что не сволочей рядом с ним быть не могло.

Действительно, Он пытался обмануть всех, но поверили Ему только эти люди. Но поверили ли? Или им самим Его ложь нужна, как воздух. В каких-то своих, неведомых даже Ему целях. Самому-то можно им верить? Но как может кому-то верить тот, кто постоянно лжёт сам? Он не может верить даже себе. А тут... Сподвижники... Ему снова захотелось выругаться...

Один — из породы иудушек. Завистливый, хвастливый и злой, как все неумные люди. С сильно подмоченной репутацией. Но с непомерной манией величия. Хочет быть более великим, чем даже Он, Канатоходец! Этот продаст кого угодно. Сегодня продал своих, завтра продаст Его... За три копейки... Пошел за ним из злобы и зависти, а точнее — по своей стоеросовой, неизмеримой глупости. Желая отомстить за свои же грязные дела, влез на канат первым в линии и теперь, по тем же причинам, уже не может вернуться назад.

Другой — несостоявшаяся личность. Ни в профессии, ни в жизни. Потому — лгун во всём. Классик местечкового масштаба. Постоянно носит маску. Чтобы выглядеть хотя бы кем-то. Падкий на подачки, как все несостоявшиеся личности, которые хотят состояться хоть как-то. Попал на канат из-за своей моральной алчности, теперь еле-еле шевелит ногами только под надзором Канатоходца, но сбежал бы с каната при первой же возможности.

Эти у Него главные. Он пытался сделать их своими правой и левой руками. Думал — сильные союзники. Оказалось — пустые и бесполезные. Не оправдали. Не помогли даже подаренные им Канатоходцем высокие должности, дающие власть над коллегами. Только рассмешили тех своими потугами. Эх...

А остальные? Топчутся фактически на месте, пугаясь высоты, издают какие-то звуки и непонятно, чего хотят. Повторяют Его ложь, как надежду на благополучный переход по канату, но верят ли? Верят, наверное, но почему не спешат идти...

У начала каната две женщины. Одна с восточными, другая с дальневосточными глазами. Первая — всегда чуть впереди. Находясь на расстоянии, она умудряется непрерывно подталкивать его в спину, не давая ему остановиться ни на минуту, и делает это так, словно на самом деле хочет, чтобы он побыстрее свалился с каната. Вперед! Вперед! Только вперед!.. Дави врагов! Ведь ты же Великий!.. Ведь ты же Могучий!.. Подталкивает, но сама не спешит идти. Он еще не знает, что один из ее толчков станет для Него последним шагом...

Вторая еще совсем недавно старалась Ему угодить, с негодованием обрушивалась на тех, на кого Он указывал, но теперь притотстала, притихла, делает вид, что канат ее мало касается. Знает, наверное, что нет Ему возврата назад, и хотя еще на что-то надеется, но уже не спешит за ним. Понимает: за Ним — опасно, и без Него — страшно, привыкла, ведь, надежды Им питать, приближенной к Великому выглядеть.

Он хотел послать этих женщин впереди себя — пусть падают, если что, и тем самым спасут Его. Но не пошли, спрятались за Него, выглядывают из-за спины...

За ними двое, может быть, уже полусумасшедших: престарелый неудачник и молодежавый циник, зацикленный на мировой теме, — оба необоснованно и случайно оказавшиеся в числе коллег, оба одинаковые в рассуждениях, в которых главное не мысль, а шум. Но шум — это как раз то, что сейчас нужно Канатоходцу! Именно в шуме Он сейчас ищет опору. И потому шумит Сам и собирает шумливых вокруг себя. Но Он хочет другого шума, хочет, чтобы Ему, под вопли мужчин и визг женщин, рукоплескал весь мир, чтобы все вокруг громко кричали о Его исключительности и Его непререкаемом авторитете. И потому Он никогда не жалел денег на покупку наград и званий. Главное — про шуметь об этом, а там — пусть попробуют разобраться... Да и кто будет разбираться? Шум сегодня — орудие власти, он создает впечатление настоящей войны и делает шумливых великими полководцами в ней. Эти двое будут Ему преданы до тех пор, пока не свалятся с каната. Они медленно идут следом, стараясь своим шумом привлечь равнодушную публику, но та уже не слышит и их — наступила она ей в уши. Публика привычно инертна и скучна.

В самом конце людской цепочки — Выюнок. Кажется, «из камышей выполз». Со своей поразительной бездарностью, как с паспортом. Тоже плох для каната, никак не ступит на него с площадки, хотя до этого крутился рядом, почесывал макушку и присягал на верность, но глазки его всегда бегали, бегали — ловили ситуацию: когда надо — обидится, когда надо — пропустит обиду мимо ушей. Всегда услужливо подмахивал Ему, хозяину, за подачку и посул...

Был ещё один такой выюнок, очень похожий на первого. Хитросделанный пришелец, невесть откуда прибывший в коллектив. Чужой всем, но свой Ему. Нужным словом всегда услужливо обеспечит. Мало от него толку, да других нет... Не полез на канат, сбежал, большим прикинулся...

Ещё... Кто ещё?

Он на секунду вновь остановился и, обернувшись, посмотрел назад. Несколько человек из его недавнего окружения шустро спускались с площадки по веревочной лестнице вниз, в толпу — исчезнуть раствориться в ней, побыстрее занять место
(Окончание настр.4)

Морские бродяги

Мы крещены богиней
Афродитой,
Мы приняли купель на корабле,
И океан то нежный, то сердитый
Ревнует нас к кормилице-земле.

Генрих Ужегов ТО МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ, ТО ЮЖНЫЙ КРЕСТ НАД НАМИ

То Млечный Путь,
то Южный Крест над нами,
За портом порт скрывается вдали,
Русалки чешут море гребешками,
Резвясь, как дети, в розовой пыли.

Корабль идёт один во всей
Вселенной
Сквозь череду покоя, бурь и гроз,
Волна играет серебристой пеной
Как локоном русалочьих волос.

Потомки Роджерса, Кортеса,
Яна Смита,
Мы – первооткрыватели земель,
Недаром нас крестила

Афродита
И приняла соленая купель.

Ромашки в каюте
Ромашки в матовом стакане
Стоят в каюте на столе,
Они хранят воспоминанья
О теплой ласковой земле.

Напоминают о любимой,
Хранят тепло родных полей
И красоту неповторимой
Далекой Родины моей.

Цветки увядшие ласкает
Морской прохладный ветерок,
Как будто он на них гадает,
Какую выбрать из дорог.

Мы много суток в океане
И здесь, на этом корабле,

Ромашки в матовом стакане
Напоминают о земле.

Корабль бросает на волне,
Мороз крепчает, снег идет,
А мы на баке и корме
Ломами скальваем лед.

Аврал объявлен неспроста,
Кто не на вахте, все вперед!
Должна быть палуба чиста,
И мы обкальваем лед.

Корабль два месяца в пути,
Давно нас дом далекий ждет.
Мы знаем, мы должны прийти,
И мы обкальваем лед.

Волна и шторм. Мороз и снег.
Да, мы попали в переплет.
Пусть сто потов сойдет со всех,
Мы одолеем этот лед.

Человек как шляпка в море,
Вышел в плаванье – держись,
Волны радости и горя
Будоражат нашу жизнь.

Волны слева, волны справа,
Словно вражеская рать,
Только мы имеем право
Направленья выбирать.

Путь к земле укажут птицы,
Солнце, звезды и луна,

Алексей Береговой

в числе незаинтересованных
зрителей.

Значит, больше никого. А ведь ещё совсем недавно их было много, и Он был уверен в них. Он закричал, угрожая карами, обещая скорую победу и упрасывая вернуться, но те, на лестнице, ещё быстрее задвигали ногами, спрыгивали вниз и бежали прятаться в толпе. Они уже не признавали Его власть, созданную ложью, и Он всё больше впадал в ярость.

Вот и всё войско. Оно не знает главной лжи — как Он обобрал его. Морально и материально. Не знает и не хочет знать, и на этом Он пока держится. Но не всем ложь, что мед, не каждый боится бряцанья Его оружия, не каждый хватается за Его посулы...

«Ну ничего, всем воздам... — точно разгневанное божество подумал Он о своих противниках и недавних соратниках, делая следующий шаг по канату. — И своим, и чужим!..»

Они считают, что родилось всё из пустяка, на пустом месте. Так думают и многие зрители. «Ни с того, ни с сего он взобрался на этот канат!» Это не так. Они многого не знают. На его природные стремления легли время и обстоятельство. В страну пришло время лжи, и, как оказалось, — Его время. Ложь стала не позором, а орудием достижения положения в обществе и средством добычи материального благополучия. Лживые американизмы стали замещать в православно-мусульманской стране моральные ценности. И всё в ней стало продаваться. Даже честь, даже совесть, даже душу при желании можно было продать. И появились люди, которых всё это устраивало. Они получили видимое процветание. У них стало много денег и власти. Он с гордостью и с удовлетворением относил себя к ним, навязывая себя коллегам. Совсем недавно ещё совершенно честные и благородные коллеги и зрители, никогда не признававшие ложь, стали относиться к ней совершенно спокойно, без содрогания, а кто-то из них совсем перестал замечать её. Они принимали без возмущения и Его ложь.

Говорят, глаза — зеркало души. На Его лице давно не видно глаз — только два тёмных пятна

КАНАТОХОДЕЦ

(Окончание)

вместо них. И не отражается в них Его душа, не видно её. Где она? На что Он её разменял? Или продал? Это была Его главная тайна...

Ложь легко давала Ему то, что без неё Он достиг бы не смог никогда. Он ухватился за неё, как за оружие, не вникая в её суть и опасность применения, — перед ним уже стояла цель. Старая, заветная и до поры тщательно скрываемая цель, она проявилась вдруг реальностью осуществления. Никто не знает про Его длинные, бессонные ночи, когда Он страдал от ощущения того, что годы уходят, и Он уже почти у цели — полной и беспрекословной власти над коллегами на вершине профессионального Олимпа, на которую Он взбирался столько лет, но вершина эта вдруг начинает уходить у Него из-под ног, удаляясь всё дальше и дальше, и надо начинать сначала, — отказаться от цели нельзя, потому что она гложет Его, давит и разрывает мозги, и Он скручивается от жуткой душевной боли, не в силах ничего изменить. Он не пытается свернуть в сторону, чтобы найти выход из тупика, Он старается идти вперед любой ценой, не изменив своего пути ни на микрон, добиться цели — ведь она, цель эта, всегда с Ним, она живет в Нём, она стала Его вторым я, и Он не понимает, не хочет понимать, что выход — только в отказе от нее.

И потому он мстит этой безразличной публике, мстит непокорным коллегам, не признающим Его величие и Его избранность, мстит, как Он думает, жестоко и коварно, и опять не замечает тщетности своих попыток.

Чтобы отомстить, Он вполне сознательно встал на канат без обратного пути, но не сказал об этом своим соратникам.

Когда-то коллеги преподнесли Ему подарок — принадлежащее всем средство культуры и нравственности, средство национальной целостности и профессионального братства. Теперь оно принадлежало только Ему. И Он очень скоро понял, что это не просто подарок, — это оружие, с помощью которого можно влиять на коллег, манипулировать их сознанием, удовлетворяя свои

затаенные амбиции: по-своему усмотрению поощрять или не поощрять их, — в его руках теперь был своего рода пряник. Он быстро превратил его в личное оружие, своего рода «обещальник» и «шантажирник» для коллег, падких на сладкое тесто, и уважающей титулы общественности. И еще Он понял, что с помощью этого средства Он по праву должен быть вознесен над коллегами — пусть они знают это, пусть поклоняются Ему. Рожденная в ранней молодости, но скрытая на годы Его уверенность в собственной исключительности, при заискивающем отношении к Нему коллег, начала воплощаться в жизнь. Он почувствовал себя Великим. И был уверен, что утвердил свое величие перед всеми.

Уже тогда это имело для него большое значение. Он быстро ушел от главного — культурного назначения подаренного ему средства, немедленно разделил коллег на «голоса», на нужных и ненужных, своих и чужих, и стал использовать этот общественный подарок для утверждения себя над обществом, своей дороги к сладкой власти, к своему превосходству над всеми. И утверждал целых семнадцать лет. До самого начала пути по канату. И не утвердил. Потому что использовал для этого насилие и подлость. Желание «утвердить», в конце концов, привело его на канат, и он ступил на него, уверенный, что путь по нему будет легким, а главное — быстрым. Канат уже тогда был неизбежен для него...

Он лишь почувствовал себя великим, но не стал им.

Он думал, что Ему не хватает лишь оружия наказания тех, кто сомневался в Его величии. И Он добыл его. Эту очень опасную игрушку в условиях процветания лжи в новом обществе, Он стал применять его для наказания и устрашения коллег. Кого-то начал запугивать, кого-то — наказывать. За ту вину, которую лишь Он определял. Он присвоил себе право судить. Таким Он видел своё предназначение. Сначала это дало какие-то результаты: некоторые из его коллег не преминули выразить Ему свое «особое уважение», самые «талантливые» из них почтительно и заискивающе улыбались Канатоходцу в

надежде, что Он поможет им в продвижении этих самых «талантов». Это нравилось Ему, зато с остальными коллегами Он стал грубым и заносчивым, бескомпромиссным в оценке их трудов и своих решений. Он уже требовал, чтобы только Его мысли считались разумными, только Его решения воплощались в жизнь.

Но ведь в любой, даже хорошо выстроенной игре перебор уничтожает все. Он не заметил как перебрал. Покорные и не слишком умные, по Его мнению, коллеги вдруг возмутились Его диктаторскими манерами и воспротивились амбициям. Стрившееся годами положение, вдруг стало рушиться. И Он шагнул на канат, чтобы сохранить это положение и показать всем свою отчаянную силу... Он вновь хотел напугать и поразить коллег, страхом и ложью заставить их поклоняться Ему...

Он не заметил того момента, который Его движение в величии превратил в начало Его ПАДЕНИЯ с Олимпа. Падения, к которому привели все Его предыдущие действия. И которое, в конце концов, толкнуло Его на канат.

Он был готов ради своей пустой победы продать душу кому угодно.

Утвердить своё величие Он просто не мог. Потому что никогда не был великим. Природа наделила Его амбициями, но не дала ни острого ума, ни соответствующих способностей. Болезненные амбиции не позволяли Ему анализировать собственные поступки. Потому Он использовал для своего утверждения насилие и подлость...

Публика внизу внезапно сосредоточилась, напряглась, глядя вверх, — ей вдруг стало интересно. Вот Он идет, один, остальные далеко отстали, их почти не видно, только двое оторвались от надежной площадки, балансируют по канату, но канат раскачивается все сильнее и сильнее, и Он сейчас, потеряв равновесие, грохнется с той высоты, куда забрался, вот-вот, смотрите, смотрите...

Публика уже неистовствовала. Она не просто ждала, она жаждала. Это Его бесконечное шоу надоело ей, от этого цирка ее уже тошнило, и потому она хотела финала, — быстрого финала, достойного Его заслуг и ее тошноты. Смотрите, смотрите... Ах!..

Внимание, до этого скучавшей публики, сделало свое дело. Ее безразличие переросло в жажду

финала, — она раскочевала канат, и вместе с ним — все Его многолетние планы, жестокие амбиции и неумные желания, с которыми Он не мог совладать.

Вопль ужаса и вздох облегчения пронесли под темным куполом неба. До повисшей над пустотой, конечной площадки оставалось всего-то несколько шагов! Лишь несколько метров до заветной цели! Короткий отрезок времени до исполнения желаний целой жизни! Но...

Конечная площадка ни с чем не была связана, она висела в воздухе краем бессмысленного и страшного обрыва. Он шагнул к ней и в этот миг почувствовал сильный и решительный толчок в спину, яростно взмахнул руками и... сорвался... Вниз... В бездну... Вслед за своей душой...

Дико вопя и тоже отчаянно размахивая руками, следом свалились и те двое, что шли за ним. Потеряв эту шаткую опору под ногами, они рухнули вниз, в бездну, вслед за душой Канатоходца, и также исчезли в зияющей пустоте, разверзнувшейся как дверь в преисподнюю на месте только что твердого булыжного покрытия площади.

Остальные в начале каната тоже закричали, умирая от страха, завопили, проклятая тот миг, когда поверили Ему, себя за то, что пошли за ним, и, отчаянно цепляясь друг за друга, каким-то непостижимым образом все разом схватились за Вьюнка, который, казалось, намертво прирос к надежным поручням твердой площадки в начале пути, и, остро чувствуя каждый напряженный толчок под ногами, они всё же удержались на канате... Теперь они умирали от страха высоты и ужаса потери божества, которому поклонялись столько лет. И только, так любимые Канатоходцем, восточные глаза загадочно улыбались из-под приопущенных век...

Мостовая вновь сомкнулась в прочную основу площади. Удовлетворенные и слегка утомленные зрители стали расходиться. Коллеги среди них еще обсуждали представление. Но интерес к Канатоходцу быстро таял. Площадь стремительно пустела, и над ней уже всходило солнце... Символ чистоты и жизни. Он стирал с освобожденного пространства площади остатки Его лжи...

Над миром вновь торжествовала правда!

Но нельзя с дороги сбиться –
Жизнь один лишь раз дана.

Пусть кипят валы седые,
Увеличивая взмах,
Для бесстрашного стихия
Друг скорее, а не враг.

Если вера неизменна,
Мысли праведно-чисты,
Ты достигнешь непременно
Маяка своей мечты.

Кто доплыл, тот не забудет
Ни штормов, ни гроз, ни бурь,
А наградой высшей будет
Неба синего лазурь.

Подобно отважным варягам
Настойчив я был и упрям,
И плывал под собственным
флагом
По бурным житейским морям.

Мечты мне житья не давали
И плыл я по жизни как Ной,
Валы предо мною вставали
Космато-зелёной стеной,

Ревели полярные ветры,
И ставила жизнь на дыбы,
Но я проходил километры
Нелёгкой матросской судьбы.

Полярные вьюги и бури
Пришлось моряку покорять...
Моей романтической дури
Хватило бы жизней на пять.

Всё в жизни имеет начало,
Всё в жизни имеет конец,
И вот до родного причала
Доплыл мой корабль, наконец.

Пора бы уже и проснуться
Быть с жизнью реальной
на «ты»,
Пора бы уже и вернуться
На землю из мира мечты.

Но снова зовут меня страны,
В которых когда-то я был...
Не смыли, видать, океаны
Былой романтический пыл.
19.10.2006

Я видел цунами не только
в стакане,
А штормы и бури не только
во сне –
Частица души до сих пор
в океане
Качается где-то на бурной волне.

Она одинока в пустыне
безбрежной,
И шепчет мне часто под
лунный прибой:
– Оставь кабинета покой
безмятежный,
Приди в бесконечный простор
голубой!

Отдайся бездумной мальчишеской
страсти,
В морские широты скорее
вернись –
Лишь море даёт настоящее счастье,
Лишь здесь узнаёшь настоящую
жизнь!
Февраль 2007

В степи широкой, в краю
привольном,
За тихим Доном как великан,
Под ветром южным, под солнцем
знойным
Стоит высокий седой курган.

Здесь буйный ветер траву ласкает,
Здесь вольный коршун всегда
кружит,
И только камень надгробный
знает,
Кто безымянный под ним лежит.
23.02.2003

По ночам мне снится шум прибой,
Дым над корабельною трубой,
Небо бирюзово-голубое,
Океан как небо голубой.

По ночам я слышу крики чаек,
Душу открывающих волне,
И меня на пристани встречает
Женщина, поверившая мне.

А бывает, океан взъярится,
Все сольется, небо и вода...
Как мне жаль, что это только
снится,
Снится уже долгие года.

Если только даст судьба мне право
Свой домашний поменять уют
На простор безбрежно-величавый
И на одиночество кают,

Я не буду даже колебаться,
Все оставлю – книги и цветы:
Если уж бросаться, то бросаться
С головой в объятия мечты.

Юрий Ремесник

А ЧТО ТАМ БЫЛО У МЕНЯ В НАЧАЛЕ?..

Когда твое
произносилось имя...

Чистая и неверная,
Детское полуврваньё,
Девочка моя первая,
Да святится Имя твоё.

Верой своей безмерною
Озарившая бытиё,
Женщина моя первая,
Да святится Имя твоё.

Самая драгоценная
Из всех, кто в душе живет,
Мама моя незабвенная,
Да святится Имя твоё.

Я не люблю заученных
Высокопарных слов,
Выше всех слов озвученных
Только одно – «Любовь».

И на века,
И на бело
В самой святой из книг:*
«Женщина выше ангелов,
Ибо рождает их».

*Библия.

Обои

В съёмной квартире плейбоя
Женщина клеит обои.
Клеит с утра, напевая,
Словно цветы высевает.

Тихой голубкой воркуя,
Тихо над чем-то колдует.
Будто бы в старой лохани
Смесь колдовскую варганит.
И зацветает на стенах
Роза.
Ирис.
И вербена.
И расцветает квартира
Всеми надеждами мира.
Светом.
Теплом.
И покоем...
Женщина клеит обои.
К ней – молодой и манящей –
Клеится юный заказчик,
Клеится пух тополиный,
Загнанный ветром в гардины.
День улыбается ясный,
Все в этом мире прекрасно.

Руки воздев над стеною,
Женщина
клеит
обои.

Романтика

Прекрасная,
как утро после битвы,
В которой зло
не исчерпало зла,
Она была спасительной
молитвой.
Она моей религией была.

Но, словно храм,
любовь мою разрушив,
Однажды обманувши без стыда,
Она одна мне вытоптала душу,
Как дикая монгольская орда.

И я бы сгинул за чертой разлада,
Когда бы в безысходности ночей
Не воскресили душу
две лампы
Её очаровательных очей.

Начало

Елене Джичоевой

А что там было у меня
в Начале?..

Туманный шлях.
Бараки вдоль плетня,
Где грудень* –
Сероглазый сын печали
Дождями убаюкивал меня.
Там, на подворье местной
повитухи
Моей судьбы ковались стремена,
А в клубе шла военная «кинуха»,
А рядом – не киношная война.
Там запахи бинтов от медсанбата,
Открытого бесчинству первых
вьюг.

И чьи-то стоны
Вперемешку с матом
За дверью с белгой надписью
«Хирург».
А что там было у меня
в Начале?..
Украшенная гильзами сосна
Под Новый год, в котором
обещали
Прибавку и макухи, и зерна.
Свет каганца в прокуренном
вагоне.
И черный месяц в мутных
небесах,

И плачущие мамы ладони
На знойных скарлатиновых
щеках.

И звон ключей,
И звонкий блеск медалей,
В победный май распахнутая
дверь...
И все, что было у меня в Начале,
Так беспощадно вспомнилось
теперь.

Но объяснить в словах не
получилось,
Как скроен детской памяти учет,
И как душа запомнить умудрилась
В четыре года
Тот победный год.

* ноябрь.

Хлеб

С.П. Рябоконю

Крест накрест
Заколоченное небо,
В котором голодало воронье.
Собачий холод.
Очередь за хлебом
Длиною в детство горькое мое.

Там в декабре,
Безжалостно морозном,
Я сам, как вороненок на ветру,
И если в это утро не замерзну,
То значит, с голодухи не помру.
И вот уже из окон магазина
И хлебный дух, и марево тепла.
Нам продавщица – худенькая
Зина –
Почти что Богоматерью была.
Я булку нес под ватником
метельным,

Стараясь искушенья превозмочь,
И освящая
крестиком нательным
Кирпичик хлеба
черного, как ночь.

И в станционных
ледяных теплушках,
На край надежды
загнанных войной,
Была ценою в жизнь
моя горбушка,
Подсоленная
Маминой слезой.

Не разлюблю с последним
вздохом
Тебя, моя родная Русь,
На твой курган, как на Голгофу,
Втащить судьбу не побоюсь.
Я пламя веры неподложной
Пронес, как истину Христа,
По всем безбожным и
острожным,
По самым гибельным местам.
Приму проклятье и распятье,
Лишь только б мир и в злые дни
И обделенный благодатью
Не разуверился в любви.

И что мне почестей хоралы,
И что мне слава – грудь в крестах.
Лишь только б зря не запропала
Моя головушка в кустах.

Чтоб даже, рухнув от бессилья
На перекрестие дорог,
Знать, что простишь мне,
мать-Россия,

Последний долг.
Посмертный долг.
И свято верить в миг разлуки.
Что, протрубив походный марш,
Твои воинственные внуки
Не позабудут «Отче наш...».

Арбуз

На плече своей зазнобы
Дрыхнет сторож – сельский туз.
На траве, как школьный глобус,
Греет лысину арбуз.

Он примерил новый тельник,
Полосатый обормот,
Откормил бока бездельник,
Как совхозный счетовод.

А мое пустое брюхо
С голодухи – как фреза.
А в окне моя сеструха
Проглядела все глаза.

Ей от «зайчика» подарок
Обещал любимый брат...
Жжет мне пятки скипидаром
Мой мальчишеский азарт.

Я добуду это чудо,
Гадом буду – чую фарт,
Если даже сторож Хлюдов
Окропит мне солью зад.

Вот такие трали-вали,
Ты, сестренка, не грусти.
Ты, «отец народов» Сталин,
Безотцовщину прости.

Сгинул батя наш под Нарвой,
Мамка с горя умерла.
Их война – шальная лярва –
В одно лето забрала.

Я – один теперь добытчик,
И ответчик я – один.
Я – не пойманный с поличным,
Навсегда солдатский сын...

В небе месяц, словно гномик.
Десять бед – один ответ.
Нету прыника в детдоме,
Но кнута в нем тоже нет.

Ещё порой случаются стихи,
Как дерзкое нашествие стихий.
Когда из слов сколоченные фразы
Диктует сердце, а не глупый разум.
Когда судьба, за лацкан теребя,
Пытает душу чувством не

подложным,
И спрятаться за словом
невозможно
Ни от своих врагов, ни от себя.
И эта беззащитность на краю
Вдруг прорастает истинной
крамольной.

И кто-то окупится в боль твою
И тоже захлебнется этой болью.
И что с того, что, просыпая соль,
Он из стихов не вспомнит даже
слова,
Когда внезапно сотрясёт основы
Чужая боль
Как собственная боль?

